

Классика
в школе и дома

Виктор
Гюго

Гаврош

Москва

2017

УДК821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г99

Перевод с французского *С. Чацкиной, Н. Коган*

Оформление серии *О. Горбовской*

Гюго, Виктор.
Г99 Гаврош / Виктор Гюго ; [пер. с фр. С. Чацкиной, Н. Коган]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-04-004273-9 (Классика в школе)
ISBN 978-5-04-158541-9 (Внеклассное чтение)

Озорной мальчишка Гаврош давно стал одним из любимых и ярких образов в детской литературе. Дитя Великой французской революции, этот маленький герой с большим сердцем чувствовал себя как дома на парижских баррикадах, лихо распевал песенки под пулями и никогда не мог пройти мимо голодных бездомных малышей. Своим бесстрашием он вдохновлял товарищей и удивлял врагов и не раздумывая шел в бой за свободу, равенство, братство.

Рассказ о Козетте показывает тяжелую жизнь простых людей. Сама Козетта походит на Золушку, а ее чудесное спасение таинственным незнакомцем напоминает волшебную сказку. Виктор Гюго призывает людей быть человечными, добрыми, благородными, не проходить мимо чужого горя, помогать несчастным и обездоленным.

«Гаврош» и «Козетта» — отрывки из романа В. Гюго «Отверженные» — изучаются на уроках литературы в 5–7-м классах. В книге даны избранные главы.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-004273-9
ISBN 978-5-04-158541-9

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ГАВРОШ

*Из романа
«Отверженные»*

ДЕТИ ПАРИЖА

Когда-то, много лет назад, Париж был полон бездомных детей, как лес полон птичек. Птичек зовут воробьями, ребят звали гаменами.

Это были мальчуганы от семи до одиннадцати лет. Жили они обычно стайками. Их родители, замученные нищетой и тяжким трудом, не могли, а иногда и не хотели заботиться о них. Но гамены не унывали. Обедали они не каждый день, зато каждый день, если им хотелось, пробирались в театр. На теле у них иногда не бывало рубашки, на ногах — башмаков, над головой не было крыши. Они целыми днями бродили по улицам, ночевали где попало. Одеты они были в старые отцовские штаны, которые волочились по земле. Голову им покрывала чья-нибудь старая шляпа, сползавшая на самый нос.

Чтобы попасть в компанию парижских гаменов, надо было иметь немалые заслуги. Один, например, был в большом почёте зато, что видел, как человек свалился с коло-

кольни, другой — за то, что на его глазах опрокинулся дилижанс,¹ третий — потому, что был знаком с солдатом, который чуть не выколол глаза какому-то важному господину.

Крепкие кулаки очень ценились у них. Гамен любил прихвастнуть: «Вон какой я силач, посмотри-ка!» Всякий, кому случалось порезаться очень глубоко, «до кости», считался героем. Левше все очень завидовали. Косоглазый пользовался большим уважением.

У гаменов бывали постоянные стычки с полицейскими, которые устраивали по ночам облавы на маленьких бродяг. Потому-то гамен знал всех полицейских в лицо и по имени. Он изучил их привычки, для каждого подобрал прозвище: «Такой-то — предатель, такой-то — злюка, тот — великан, а тот — чудак. Вот этот воображает, что Новый мост принадлежит ему одному, и не даёт человеку гулять по выступу за перилами моста, а тот любит драть людей за уши...»

Парижский гамен бывал почтительным, но бывал и дерзким насмешником. У него были скверные, гнилые зубы, потому что он плохо и мало ел, и хорошие, ясные глаза, потому что он много думал.

¹ Д и л и ж а н с — многоместная карета для перевозки почты и пассажиров.

МАЛЕНЬКИЙ ГАВРОШ

В те времена на бульваре Тампль можно было часто встретить мальчика лет одиннадцати-двенадцати, настоящего гамена. На нём были длинные мужские штаны и женская кофта. Но штаны были не отцовские, а кофта не материнская. Чужие люди из жалости одели его в эти лохмотья.

А были у него и отец и мать. Но отец о нём не заботился, а мать его не любила, так что его смело можно было назвать сиротой.

Привольно он чувствовал себя только на улице. Это был бледный и болезненный мальчик, но проворный, ловкий, смышлёный и большой шутник.

Он постоянно был в движении: бродил, распевая песенки, по улицам, рылся в сточных канавах, воровал понемножку, но легко и весело, как воруют кошки или воробышки, смеялся, когда его называли шалопаем, и сердился, когда его обзывали бродягой.

У него не было ни крова, ни хлеба, некому было пригреть и приласкать его, но он не тужил. Однако, как ни был он заброшен, ему всё-таки иногда приходило в голову: «Пойду повидать мать». Он расставался с привычными местами, с шумными площадями, бульварами, спускался к набережным, переходил мосты и в конце концов добирался до предместья, населённого беднотой.

Там, в убогой лачуге, жила семья весёлого мальчугана. Он приходил, видел вокруг горе

и нищету, но что всего печальнее — он не видел здесь ни одной приветливой улыбки; холоден был пустой очаг, и холодны были сердца.

Когда он появлялся, его спрашивали: «Откуда ты?» Он отвечал: «С улицы».

Когда он уходил, его спрашивали: «Куда ты?» — «На улицу», — отвечал он.

А мать кричала ему вслед: «И что тебе здесь было нужно?»

Мальчик жил, не видя любви и заботы, точно бесцветная травка, которая растёт в погребках. Он не страдал от этого и никого не винил. Он даже не знал точно, какие должны быть отец и мать.

Мы позабыли сказать, что на бульваре Тампль этого гамена прозвали Гаврош.

ГАВРОШ ОПЕКАЕТ МАЛЫШЕЙ

В Париже весной часто выпадают холодные дни, когда можно подумать, что вернулся январь.

В один такой студёный апрельский вечер Гаврош стоял на многолюдной улице, перед ярко освещённой витриной большой парикмахерской, и зябко поёживался. На шее у него был шерстяной платок, неизвестно где подобранный. Казалось, он с восторженным любопытством смотрит, как восковая женская головка, замысловато причёсанная и украшенная цветами, поворачивается во все стороны и улыбается прохожим.